

Уголовный процесс: оптимизация или неоправданное упрощение? Обзор круглого стола от 24.09.2015

Аннотация. Обобщены результаты работы круглого стола «Уголовный процесс: оптимизация или неоправданное упрощение?», организованного 24 сентября 2015 г. кафедрой уголовного процесса Юридического института Сибирского федерального университета. Изложены основные проблемы, поднимавшиеся участниками: 1) несоответствие устройства современного российского уголовного процесса его континентальной природе; 2) утрата судом функции правосудия ввиду значительного увеличения количества дел, рассмотренных в особом порядке судебного разбирательства; 3) необходимость уточнения критериев допустимого упрощения российского уголовного процесса; 4) определение сущности производства в особом порядке; 5) возникновение этических проблем при взаимодействии адвоката и доверителя при производстве в особом порядке; 6) появление законопроекта МВД РФ о введении особого порядка досудебного производства; 7) отсутствие доказывания в упрощенных формах уголовного судопроизводства; 8) методологии проведения сравнительно-правовых исследований; 9) различия упрощенных форм уголовного процесса Германии и России и корректность их сравнения; 10) еформирование зарубежного уголовного процесса. Описана возникшая дискуссия.

Ключевые слова: юридический институт СФУ, круглый стол, континентальный уголовный процесс, доказывание, особый порядок, упрощение, оптимизация, сравнительно-правовое исследование, сделки с правосудием.

DOI: 10.17803/1994-1471.2015.61.12.107-115

В 2005 г. в статистической справке о работе судов общей юрисдикции указывалось: «Отмечается тенденция активного использования особого порядка судебного рассмотрения уголовных дел. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением применялся в 2005 г. почти в полтора раза больше, чем в 2004 г. В су-

дах областного звена 2,4% дел рассмотрено в особом порядке, в районных судах — 30%, у мировых судей — 37,5%»¹.

Согласно же данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за первое полугодие 2015 г. из об-

¹ Цит. по: Михайловская И. Б. Процессы управления в судебной системе. М., 2012. С. 46—47.

© Шагинян А. С., 2015

* Шагинян Армен Степанович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Юридического института Сибирского федерального университета, заместитель директора юридического института СФУ

[sfu-sharm@yandex.ru]

660075, Россия, г. Красноярск, ул. Маерчака, ауд. 4-17

© Скоблик К. В., 2015

** Скоблик Константин Владимирович — ассистент кафедры уголовного процесса Юридического института Сибирского федерального университета

[8923362@gmail.com]

660075, Россия, г. Красноярск, ул. Маерчака, ауд. 2-22

щего числа осужденных лиц (359 913) 253 645 (70,5%)² осуждено при применении особого порядка рассмотрения уголовного дела.

Помимо указанного, в 2013 г. в российском уголовном процессе появился институт сокращенного дознания, который в настоящее время уже планируется заменить особым порядком досудебного производства³.

Для обсуждения проблематики, связанной с необоснованным распространением упрощенных процедур в российском уголовном процессе, кафедрой уголовного процесса ЮИ СФУ в рамках юбилейной научной конференции «Енисейские политико-правовые чтения» был организован круглый стол на тему «Уголовный процесс: оптимизация или неоправданное упрощение?». Модератором круглого стола стал **Л. В. Головкин**, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой уголовно-го процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, член НКС СК РФ, член НКС при Верховном Суде РФ, эксперт Совета Федерации ФС РФ, эксперт ООН, ОБСЕ.

Для обмена информацией и идеями встретились ученые-процессуалисты, судьи судов различных звеньев, представители прокуратуры, следственных органов, адвокаты. В качестве иностранного гостя из Германии в работе круглого стола принял участие д. ю. н., профессор **Мартин Финке**. Наиболее интересные сообщения представлены в этом выпуске журнала как полноценные публикации.

Открывая работу круглого стола, Л. В. Головкин обозначил отправные пункты дальнейшего обсуждения:

1) уголовный процесс имеет естественную потребность к дифференциации, оптимизации;

2) имеется глобальное давление на страны по введению института «сделок с правосудием» в национальные системы уголовного судопроизводства;

3) возникает кризис систем уголовного судопроизводства, когда внедрение «сделок с правосудием» сверх естественной потребности к дифференциации вступает в противоречие с устройством уголовного процесса, соответствующим тому или иному государству.

При этом выступающий обратил внимание на работы В. Дж. Стунтца и Р. Л. Лернера (Лернер Р. Л. Нецивилизованный суд присяжных⁴; Лернер Р. Л., Хэзелл Р., Мелтон Дж., Беспокойное наследие американцев в Великой хартии вольностей и суде присяжных⁵; Стунтц В. Дж. Коллапс американского уголовного судопроизводства⁶).

В. А. Азаров, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета ОмГУ имени Ф.М. Достоевского, заслуженный юрист РФ, выступил далее на тему «Оптимизация уголовного процесса РФ: итоги перспективы». Согласившись с тезисами Л. В. Головкин, он сформулировал главное противоречие действующего УПК РФ: континентальному по своей сущности российскому уголовному процессу с целью его удешевления навязана англосаксонская идеология. Выявив природу российского уголовного процесса, профессор оценил с этих позиций целесообразность наличия в УПК РФ ряда норм, принципов и институтов. По его мнению, сущности «нашего континентального уголовного процесса» противоречат состязательность, вошедший в правило особый порядок уголовного судопроизводства рассмотрения дела, пассивная роль судьи, отнесение следователя к стороне обвинения и иное.

Следовательно, законодателем должны быть внесены в УПК РФ соответствующие континентальной природе российского уголовного процесса изменения:

² Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3184> (дата обращения: 7 октября 2015 г.).

³ Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PR;n=128356;frame=1> (дата обращения: 7 октября 2015 г.).

⁴ Lerner R. L. The Uncivil Jury; Guest blog series of five posts for the Volokh Conspiracy. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/volokh-conspiracy/wp/2015/05/26/the-uncivil-jury-part-1-americans-misplaced-sentiment-about-the-civil-jury/> (дата обращения: 2 октября 2015 г.).

⁵ Lerner R. L., Hazell R. Melton J. The Troublesome Inheritance of Americans in Magna Carta and Trial by Jury. Cambridge University Press, 2015.

⁶ Stuntz W. J. The Collapse of American Criminal Justice. Harvard University Press, 2011. 432 p.

1) закрепление в качестве задачи уголовного судопроизводства защиты, наряду с личными, общественных и государственных интересов;

2) воссоздание института объективной истины в уголовном процессе;

3) закрепление в УПК РФ всех имеющихся принципов уголовного процесса с выведением состязательности из сформированной системы принципов;

4) повышение активности судьи в уголовном процессе;

5) ограничение особого порядка рассмотрения уголовных дел.

В своем выступлении **В. Н. Григорьев**, д. ю. н., профессор кафедры уголовного процесса МосУ МВД РФ имени В.Я. Кикотя, указал, что введение в уголовный процесс упрощенных производств есть следствие расширения сферы применения уголовно-процессуальной формы и увеличения количества дел, поступающих в производство дознавателей, следователей, судей. Выходом из сложившейся ситуации может быть, по его мнению, своевременное переведение деяний из сферы уголовной в сферу административной юрисдикции.

Переходя от общего к частному, В. Н. Григорьев сконцентрировался на проблеме расширения особого порядка производства по уголовным делам и, как следствие, утраты судом функции правосудия. По его мнению, это напоминает средневековую инквизицию, и есть результаты: 1) принятие законопроектов, являющихся результатом наличия ведомственного интереса (МВД РФ, прокуратуры, Верховного Суда РФ), а не научного исследования или статистических наблюдений; 2) проведение современных научных исследований с концентрацией на частных проблемах, не затрагивающих общего; 3) несовершенство законодательной техники.

Т. В. Трубникова, к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института ТГУ, рассуждая о пределах упрощения уголовного процесса, провела связь между понятиями «назначение уголовного процесса» и «общественный интерес», полагая, что уголовно-процессуальная деятельность необходима для обеспечения мира, спокойствия и безопасности в обществе. Кроме того, Татьяна Владимировна предложи-

ла рассматривать право на судебную защиту как предел возможного упрощения уголовно-процессуальной формы, обозначив критерии допустимого упрощения. По ее мнению, во-первых, упрощение недопустимо по делам о преступлениях, предполагающих назначение сурового наказания. Упрощенные процедуры могут быть применимы только по делам о преступлениях небольшой (возможно, и средней) тяжести. Единственное исключение — заочное производство. Во-вторых, уголовно-процессуальное производство обязательно должно включать хотя бы один полноценный цикл познавательной деятельности. Следовательно, упрощение одновременно и досудебного, и судебного производства невозможно. В-третьих, лицо должно само добровольно отказаться от полноценного судебного разбирательства. Немаловажно и то, что Т. В. Трубниковой были отмечены положительные моменты упрощения уголовного процесса. Последнее позволило комплексно взглянуть на поставленную проблему.

Не согласившись с Т. В. Трубниковой по поводу возможности упрощения процесса при наличии хотя бы одного доказательственного цикла, слово взял к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса Юридического института СФУ **А. А. Брестер**. На обсуждение им был поставлен тезис об отсутствии у особого порядка судебного разбирательства (раздел X УПК РФ) признаков уголовно-процессуальной деятельности. Основным аргументом выступающего был связан с пониманием доказывания как единства мыслительной и практической деятельности. Последнее подразумевает, что о доказывании можно говорить только при наличии непосредственного исследования, что позволяет оценить достоверность доказательств. Уголовно-процессуальная деятельность либо напрямую доказательственная, либо связана с оценкой доказанного. В особом порядке нет непосредственного исследования, а оцениваются лишь материалы предварительного следствия. В связи с этим выступающий предложил не рассматривать особый порядок как уголовно-процессуальную деятельность, а заодно — не называть приговорами те решения, которые принимаются в рамках особого порядка. Особый порядок, по мнению выступающего, — деятельность по назначению наказания.

Заявленный А. А. Брестером тезис в совокупности с представленным пониманием уголовно-процессуальной деятельности вызвал достаточное количество вопросов к докладчику. Так, Т. В. Трубникова, а затем и **Н. В. Ильютченко**, к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, уточнили, следует ли, по мнению выступающего, считать уголовно-процессуальной деятельностью апелляционное, кассационное и надзорные производства ввиду отсутствия в этих стадиях доказывания и будет ли деятельность, приведшая к принятию постановления о прекращении уголовного дела, считаться уголовным процессом. А. А. Брестер уточнил: все, что связано с пересмотром приговоров, безусловно, процессом является, так как полноценное доказывание в суде первой инстанции уже было осуществлено и в указанных стадиях требуется его оценить. Прекращение же уголовного дела — результат доказательственной деятельности следователя. И если он уже на следствии пришел к выводу, что точно может утверждать, например, что преступления не было, то продолжение доказывания ни к чему.

В свою очередь, **П. В. Козловский**, к. ю. н., старший преподаватель кафедры уголовного процесса ОМА МВД России, согласился с утверждением А.А. Брестера об отсутствии какого-либо «усеченного доказывания».

Выступая по поводу доклада А. А. Брестера, **А. В. Пилюк**, к. ю. н., председатель Мегионского городского суда, предложил добавить усеченное доказывание в особый порядок путем внедрения на стадию судебного разбирательства института допроса подсудимого.

В обоснованности выводов докладчиков, критикующих производство в особом порядке, отдельно усомнился **Ю. К. Якимович**, д. ю. н., профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института ТГУ, заместитель директора Юридического института ТГУ, профессор кафедры уголовного процесса Юридического института СФУ, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего образования РФ, почетный адвокат РФ. По его мнению, исследований, которые бы показывали процент судебных ошибок при

производстве в особом порядке, никто не проводил. Следовательно, неаргументированным утверждением о неэффективности особого порядка судебного разбирательства. Кроме того, Ю. К. Якимович подчеркнул, что, говоря об оптимизации уголовного процесса, нужно определиться с его задачами, а они не все указаны в ст. 6 УПК РФ.

Немного иной взгляд на проблему упрощения уголовного процесса представляло собой сообщение **С. Э. Федоренковой**, адвоката КК АБ «Мальтов и партнеры», ассистента кафедры уголовного процесса Юридического института СФУ. Она подчеркнула в целом положительное отношение большинства практикующих юристов к особому порядку, но вместе с тем проанализировала общую этическую проблему расхождения позиции адвоката и доверителя в контексте особого порядка судебного разбирательства. Были приведены конкретные ситуации, ставящие перед адвокатом этический выбор (например, согласие обвиняемого с предъявленным обвинением при убежденности защитника в его невиновности), обозначены способы их разрешения.

В ответ на поставленные в докладе проблемы **С. Б. Россинский**, к. ю. н., доцент кафедры уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), высказал предложение адвокатскому сообществу для устранения этических конфликтов изменить Кодекс профессиональной этики адвоката. В ответ на эту реплику **К. Н. Морозова**, адвокат, управляющий партнер КК АБ «Мальтов и партнеры», член совета Адвокатской палаты Красноярского края, заметила, что, поскольку проблема отношений адвоката и доверителя в части представления интересов последнего в особом порядке упирается, в принципе, в вопрос отношений адвоката и доверителя, то изменение Кодекса профессиональной этики в одной части приведет к возникновению ряда проблем в другой. Далее К. Н. Морозова подняла вопрос о неудовлетворенности доверителя работой защитника из-за неполучения первым того результата, который обещал ему защитник при вхождении в особый порядок судебного разбирательства.

П. В. Козловский сосредоточил свое внимание на анализе законопроекта МВД РФ о введении особого порядка досудебного

производства⁷, заменяющего дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ). Комментируя содержание этого законопроекта, докладчик отметил, что:

1) законопроект нацелен на избавление от избыточных процедур только по уголовным делам об очевидных преступлениях, не затрагивая сложные уголовные дела по неочевидным преступлениям;

2) законопроект предполагает оптимизировать уголовное судопроизводство за счет введения непродолжительного срока расследования, составляющего 10 суток с момента поступления сообщения о преступлении;

3) в законопроекте разрешаются только те следственные и процессуальные действия, производство которых допускается до возбуждения уголовного дела. При этом доказательства собираются в объеме, достаточном для обоснованного вывода только о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности лица в совершении преступления. Таким образом, происходит сужение предмета доказывания, что представляется докладчику недопустимым.

Завершая выступление, П. В. Козловский отметил: «если рассматривать законопроект как попытку трансформировать стадию возбуждения уголовного дела в сокращенную форму расследования, она может быть (при глубокой проработке) успешно реализована».

Докладчику был задан вопрос о разграничении понятий «усеченный предмет доказывания» и «усеченное доказывание». По мнению Петра Валерьевича, первое — это отказ от установления определенного рода обстоятельств, а второе, как более широкое понятие, — не только отказ от установления определенного рода обстоятельств, но и ограничение познавательных операций.

Подытоживая выступление П. В. Козловского, модератор круглого стола Л. В. Головкин интересовался у докладчика, поскольку тот представляет ведомственный вуз, о происхождении проанализированного за-

конопроекта, о его рабочей группе. П. В. Козловский пояснил, что данный законопроект разрабатывался без участия ОМА МВД РФ и сведения о нем были получены из СМИ.

Вопросы доказывания в рамках упрощенных форм были подняты и **А. Г. Калугиным**, к. ю. н., заместителем начальника Сибирского юридического института ФСКН РФ по учебной работе, доцентом, полковником полиции, доцентом кафедры уголовного процесса Юридического института СФУ. Сравнив уголовно-процессуальные институты сокращенной формы дознания и особого порядка судебного разбирательства, Алексей Геннадьевич указал, что ключевым моментом, определяющим возможность применения сокращенных процедур производства по уголовному делу как в досудебном производстве, так и в стадии судебного разбирательства, фактически является признание подозреваемым (обвиняемым) своей вины и отсутствие претензий к собранным против него доказательствам. Докладчик отметил, что в этом случае судебное следствие отсутствует как таковое, то есть доказательства, собранные стороной обвинения в процессе предварительного расследования, не проверяются в суде на допустимость и достоверность, не оценивается их достаточность для постановления обоснованного обвинительного приговора. Соответственно, резко возрастает риск судебной ошибки. Все указанное ведет к снижению качества работы профессиональных участников уголовного судопроизводства — следователей, дознавателей, адвокатов, прокуроров и судей — и к их профессиональной деформации. А. Г. Калугин добавил, что в правоприменении сохраняются проблемы потери доказательственной информации вследствие несвоевременного возбуждения уголовных дел или незаконного отказа в их возбуждении, необоснованного затягивания сроков доследственной проверки и предварительного расследования.

Комментируя доклад Алексея Геннадьевича, **А. Д. Назаров**, к. ю. н., доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса Юридического института СФУ, предложил задействовать ведомственные регуляторы, чтобы по делам, вызывающим определенную обеспокоенность, требующим судебного следствия,

⁷ Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)».

субъекты, наделенные властными полномочиями государства, использовали их во благо законности. При этом выступающий исходил из того, что причина неэффективности особого порядка кроется не только в несовершенном законодательном регулировании, но и в правоприменителе. Реагируя на эту реплику, А. Г. Калугин подчеркнул, что у обозначенных им проблем имеется комплекс причин, соответственно, необходимо воздействие, не ограничивающееся только уровнем правоприменения.

Первым из двух сообщений, освещающих зарубежный опыт оптимизации и упрощения, стал доклад **Н. В. Илютченко** на тему оптимизации уголовного процесса через заимствование австрийского опыта. Вначале докладчик заметила, что от деформализации уголовного процесса мы перешли к его дискредитации. Затем она методологически уточнила, что сравнение и аналогию для заимствования иного опыта следует проводить не на родовом, а на видовом уровнях, т.е. проводя параллели не просто между российским уголовным процессом и континентальным, а между российским уголовным процессом и конкретной разновидностью континентального уголовного процесса (уголовным процессом Австрии, Германии и т.п.). Иной подход являлся бы упрощением, поскольку континентальных систем имеется столько, сколько стран, среди которых встречаются государства и с федеративным, и с унитарным устройством. Есть также и скандинавские страны, в которых судебная практика признается источником права. И, следовательно, от глобального сравнения необходимо переходить к детальному.

Далее, Н. В. Илютченко сформулировала нестандартные основания аналогии с австрийским уголовным процессом:

1) Австрия является по своему устройству федерацией, как и Россия;

2) в Австрии, так же как и в РФ, проводятся реформы уголовного судопроизводства;

3) австрийское население, наряду с австрийскими экспертами, в своем большинстве довольно проводимыми преобразованиями.

Следует отметить, что в своих комментариях Л. В. Головкич поддержал идею Натальи Владимировны об именно видовой

аналогии между континентальным уголовным процессом (германским, австрийским и т.п.) и российским.

Завершало первую часть работы круглого стола выступление молодого исследователя **А. С. Быковской**, обучающейся в магистратуре ЮИ СФУ по направлению «Адвокат в судебном процессе», которая представила на суд практических работников и профессиональных ученых результаты своего сравнительно-правового исследования по теме «Упрощенные производства Германии». Выступающая, основываясь на анализе стадий уголовного процесса Германии, утверждала, что в ФРГ возможно упрощение только предварительного судебного разбирательства либо самого судебного разбирательства, но не стадии предварительного расследования. По каждому возбужденному уголовному делу всегда проводится полноценное предварительное расследование. В целом же формы упрощения в современном немецком уголовном процессе сводятся к ускоренному производству и судебному приказу. При этом приказ о наказании упрощен сильнее, чем ускоренное производство. Самое главное различие состоит в том, что в приказе о наказании судебное разбирательство отсутствует, а при ускоренном производстве — имеется.

Л. В. Головкич поставил вопрос о корректности сравнения приказа о наказании с особым производством в российском уголовном процессе, ведь первый по своей сути тяготеет больше к производству по административному правонарушению, чем к особому производству по уголовному делу. В ответ на это А. С. Быковская пояснила, что, если судебный приказ сравнивать с производством по административному правонарушению, то тогда в Германии нет упрощения уголовного процесса. Последнее, в свою очередь, будет препятствием для заимствования зарубежного опыта, поскольку основание для необходимого сравнения отпадет. Поддерживая А. С. Быковскую, А. А. Брестер заметил, что в самой Германии приказ о наказании воспринимается как часть именно уголовного процесса.

В рамках общей дискуссии, начавшейся после всех докладов, первым был поднят вопрос о доказывании, об уголовном процессе

и их понимании, так как именно от его решения зависит отношение к упрощенным формам уголовного процесса.

Касательно содержания понятия «доказывание» С. Б. Россинский пояснил, что: «все доказывание в уголовном процессе является усеченным. Любое уголовное дело всегда сопровождается применением инструментов формальной истины: презумпции невиновности, презумпции вменяемости. Любое доказывание осуществляется неполноценно, поскольку объективная истина уступает место истине формальной. Истина же, устанавливаемая в рамках гл. 40 УПК РФ, есть проявление формальной истины».

Высказывая свою позицию относительно понятия «уголовный процесс», С. Б. Россинский отметил, что «слишком резко звучит предложение не считать производство в особом порядке уголовно-процессуальной деятельностью». По его мнению, уголовный процесс — это деятельность, направленная на обеспечение возможности реализации уголовного закона. Стоит отметить, что при таком наборе признаков производство в особом порядке возможно рассматривать как уголовно-процессуальную деятельность.

О проблеме определения содержания понятия «уголовный процесс» высказался и В. Н. Григорьев. Он отметил: «Ключевой вопрос — в критериях, которые используются для определения уголовно-процессуальной деятельности». Далее Виктор Николаевич, исходя из тезиса А. А. Брестера о выведении особого порядка из уголовно-процессуальной деятельности, поинтересовался у него: «Должны ли по-прежнему специалисты в области уголовного процесса заниматься особым порядком?»

А. А. Брестер, проясняя свою позицию по этому поводу, ответил, что уголовно-процессуальная деятельность, в его понимании, — это деятельность, связанная с доказыванием либо оцениванием познанного. Все то, что за рамками этой деятельности, может быть связано с процессом, но процессом не является. И в этом смысле особый порядок остается связанным с уголовно-процессуальной деятельностью. Отсюда следует, что институтом особого порядка должны заниматься специалисты в области уголовного процесса. При этом А. А. Брестер не исключил появления

отдельного направления уголовно-процессуальной науки, исследующего процедуры, не являющиеся сугубо процессуальными, но обеспечивающими процесс (в том числе процедуру возбуждения уголовного дела).

Т. В. Трубникова также уточнила у А. А. Брестера, изменит ли что-либо в правоприменении выведение особого порядка из ранга уголовно-процессуальной деятельности? На что был получен ответ, что само по себе, конечно же, нет. Но это первый и важный шаг к тому, чтобы особый порядок воспринимался как исключительная форма и не отождествлялся с правосудием.

Не обошлось в ходе дискуссии без обращения к социально-философским проблемам ценностей российского общества применительно к той идеологии, на которой построен уголовный процесс современной России.

Д. А. Мезинов, к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института ТГУ, поддерживая выступление В. А. Азарова, пояснил, что сама идея упрощения уголовного процесса есть следствие имплементации в российские ценности компонентов материально ориентированной культуры. Отсюда и возникает основная цель проводимых уголовно-процессуальных реформ — экономия посредством упрощения.

Поблагодарив Д. А. Мезинова, В. А. Азаров подчеркнул: «Ценности, в том понимании, в котором они к нам привнесены, не имеют позитивного сегмента. Позитивные позиции, нравственные в первую очередь, находятся в нашем российском отечестве. Они выстраданы всей историей нашего народа». Помимо указанного, В. А. Азаровым были затронуты проблемы определения места адвоката в уголовном процессе, исходя из ценностной основы именно отечественного уголовного процесса.

Согласившись с мнением В. А. Азарова о ценностной основе отечественного российского уголовного процесса, В. Н. Григорьев обратился к проблеме проведения и методологии сравнительно-правовых исследований. По его мнению, исследователи не в состоянии четко и корректно сопоставлять уголовно-процессуальные институты различных государств. Сбить с толку могут схожие названия явлений, которые еще не означают их тождественности по содержанию.

В ходе дискуссии также были затронуты и проблемы реформирования чешского уголовного процесса, с намерением оградить от негативного зарубежного опыта российский уголовный процесс. Так, **Л. В. Майорова**, к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса Юридического института СФУ, заметила, что «само по себе реформирование судебного, досудебного производства актуально. Однако в Чехии этот процесс доходит до некой крайности. Функционально в Чехии дознавателя, в нашем переводе следователя, приравнивали к постовому. Обычному поли-цейскому дали право расследовать уголовные дела, надеясь на судебное производство, считая, что суд сможет в конечном итоге внести ясность. Эти реформы привели к массовым увольнениям опытных людей, проработавших всю жизнь в следствии. Им было неинтересно работать в послереформенной полиции. Они уволились, кадры иссякли».

Познавательным в ходе обсуждения стало выступление Мартина Финке. Профессор проанализировал понятие «уголовный процесс» и ряд других фундаментальных категорий уголовно-процессуального права Германии (объективная и материальная истина), предложил критерии для определения стадий, на которых имеется уголовно-процессуальная деятельность, обозначил проблему переноса элементов состязательности на стадию дознания в немецком уголовном процессе.

Завершая работу круглого стола, Л. В. Головкин подвел некоторые итоги совместного обсуждения, акцентировав внимание на двух ключевых моментах:

1) введение особого порядка в УПК РФ не было результатом серьезных социологи-

ческих исследований, показывающих эффективность или неэффективность производства в особом порядке. Следовательно, этот пробел должен быть спокойно и беспристрастно, путем расчетов, восполнен. Кроме того, реализация идеи выведения производства в особом порядке за рамки уголовно-процессуальной деятельности ради процессуальной чистоты имеет определенные риски;

2) наличие и позитивных, и негативных положений в законопроекте МВД РФ о введении особого порядка досудебного производства. К позитивным можно отнести отсутствие для перехода в особый порядок досудебного производства обязательного признания вины и сохранение классического судебного разбирательства. Сомнения же сосредоточились на необоснованном ограничении круга применяемых мер пресечения (исключение возможности избрания подписки о невыезде) и на отсутствии как таковой экономии, поскольку и до введения особого порядка досудебного разбирательства не было каких-либо причин, препятствующих вынесению постановления о возбуждении уголовного дела и проведению предварительного расследования в предлагаемый законопроектом 10-дневный срок.

Леонид Витальевич также подчеркнул, что в целях избежания необоснованного развития упрощенных представлений об устройстве уголовных процессов различных стран необходимо встречаться в чисто научных форматах для обмена идеями и впечатлениями. Все это, по мнению ученого, приводит к закату эпохи «юридического и процессуального миссионерства» и переходу к обсуждению в чисто научном поле.

Библиография:

1. Михайловская И. Б. Процессы управления в судебной системе. — М., 2012. — 128 с.
2. Lerner R. L., Hazell R. Melton J. The Troublesome Inheritance of Americans in Magna Carta and Trial by Jury. — Cambridge University Press, 2015.
3. Stuntz W. J. The Collapse of American Criminal Justice. — Harvard University Press. 2011. — 432 p.

References (transliteration):

1. Mihaylovskaya I. B. Protsessyi upravleniya v sudebnoy sisteme. — M., 2012. — 128 s.

Материал поступил в редакцию 20 октября 2015 года

***Criminal Procedure: Optimization or Unjustified Simplification?
The Round Table Discussion Review Dated September 24, 2015***

Shaginyan, Armen Stepanovich — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Law Institute of the Siberian Federal University, PhD in Law, Vice Director of the Law Institute of the SFU
[sfu-sharm@yandex.ru]
660075, Russia, Krasnoyarsk, ul. Maerchaka, aud.4-17.

Skoblik, Konstantin Bladimirovich — Teaching Assistant of the Department of Criminal Procedure of the Law Institute of the SFU
[8923362@gmail.com]
660075, Russia, Krasnoyarsk, ul. Maerchaka, aud.2-22

Review. The Article summarizes the results of the work of the Round Table Discussion “Criminal Procedure: Optimization or Unjustified Simplification?” that was held on September 24, 2015 by the Department of the Criminal Procedure of the LI of the SFU. The main problems discussed by the participants are as follows: 1) incompliance of modern Russian criminal procedure with its continental nature; 2) the loss of the function of justice by the court due to considerable increase in a number of cases dealt with in special order of court proceedings; 3) the necessity to clarify the criteria of admissible simplification of the Russian criminal procedure; 4) definition of the essence of the court proceeding held in special order; 5) ethical problems in communication between an advocate and his client in court proceedings held in special order; 6) the draft law of the MIA of the RF concerning the introduction of special order of pre-trial proceedings; 7) lack of the procedure of proving in simplified forms of court proceedings; 8) methods of conducting comparative law researches; 9) differences between simplified forms of criminal procedure in Germany and Russia and appropriateness of their comparison; 10) reforming the foreign criminal procedure. The Article also describes the discussion that arose during the Round Table.

Keywords. The Law Institute of the SFU, the Round Table, continental criminal procedure, proving, special order, simplification, optimization, comparative law research, plea bargain.